

Пол Теру
*Вокруг королевства
и вдоль империи*

Paulsen

МОСКВА 2008

АНГЛИЙСКИЙ ХАРАКТЕР

Однажды я нечаянно подслушал из коридора, как некий англичанин самодовольно произнес: «Какие же они смешные, эти янки!» Удалившись на цыпочках в безопасное место, я громко расхохотался: кто бы говорил! И принялся мысленно составлять список: «Англичане оклеивают потолки обоями! Чтобы вареные яйца не остыли, надевают на них шапочки с помпончиками! В супермаркетах не дают бесплатных пакетов! Наступи англичанину на ногу – и он сам перед тобой извинится! Англичане покорно платят своим властям по сто долларов в год за лицензию на телевизор! Водительские права выдают на тридцать или сорок лет сразу – мои, например, истекут в 2011 году! В Америке при покупке сигарет тебе выдают бесплатные спички – а в Англии изволь покупать спички за свой счет! Англичане курят в автобусах! Не желают перейти на правостороннее движение! Шпионят на русских! Не моргнув глазом, проносят «ниггер» и «жиденок»! Дают своим домам имена, да еще какие – например, «Неказисли» или «Вид с птичьего полета»! На пляжах загорают не в плавках, а в подштанниках! На ваше «спасибо» не отвечают «Пожалуйста!» Молоко они до сих пор разливают в стеклянные бутылки! А развозят его молочники! А по улицам ездят старьевщики в телегах, запряженных лошадьми! Англичане обожают леденцы, «Люкозейд»¹ и блюдо из остатков вчерашнего ужина, дословно именуемое «пузырится и пищит»²! Живут в городках с названиями Гавкинг, Кудахтинг или Шиворт-Навиворт! А их собственные имена еще чуднее: mister Eatwell, Lady Inkpen, Major Twaddle, miss Tosh! ³ И эти люди находят нас смешными?!!»

Чем дольше я жил в Лондоне, тем отчетливее видел, что пресловутый английский национальный характер – скорее блеф, чем реальность: порой англичане предаются отъявленному нытью. Поделись с англичанином идеей объехать Великобританию кругом по береговой линии, и он скажет: «Гоняться за мышью вокруг ночного горшка – и то было бы

занимательнее». Иногда англичане способны на беспощадную самокритику и глубокое презрение к себе. «Мы ужасный народ, – говорят они. – С нашей страной управиться невозможно. Мы вечно ни к чему не готовы. Тут все тяп-ляп делается». Но подобная самокритичность – еще и хитроумная тактика, позволяющая преспокойно оставаться растяпами. В сущности они капитулируют перед жизнью.

Причем, говоря «мы», англичанин подразумевает не себя самого и даже не свой социальный слой, а тех, кто стоит на социальной лестнице ступенькой выше, либо ниже. То есть, всех, кто, на его взгляд, должен принимать решения, и тех, кому полагается эти решения выполнять. «Мы» означает «все, кроме меня».

Самое архаичное английское выражение – «Не ворчать!», а терпение англичанина – смесь инертности с отчаянием. Мол, что толку зря стараться! Зато американцы только и делают, что ворчат. А когда не ворчат, то хвастаются. Американец не способен произнести, потупившись: «Умею кое-что помаленьку», а англичанин – заявить: «В своей профессии я один из лучших». Мы, американцы, вечно пускаем пыль в глаза (в этом, как и во многом другом, проявляется наша незамутненная ребячливость) и частенько падаем лицом в грязь при всем честном народе; англичане редко стремятся щеголять перед другими, а потому и редко выглядят дураками. С особым упоением англичане высмеивают те качества других, которыми сами обделены, как признаются сами. А иногда мы их просто бесим. В Америке тебя уважают, когда пробиваешься вперед, расталкиваешь всех локтями, поднимаешься из низов все выше, втираешься в нужные круги. В Англии на такое поведение смотрят гадливо: да что вы, так поступают одни итальяшки, это «китайская пожарная тревога», полный хаос! Быстро разбогатеть – все равно что пролезть к кассе без очереди, а пробить себе дорогу в жизни – вопиющая грубость; выходцев из иного сословия зовут «выскачками». Такое поведение не то, чтобы прощают или не прощают, – о нем попросту никогда не забывают. Память у англичан долгая и беспощадная.

Едва выйдя из Дила, я увидел за Ла-Маншем длинное плоское облако или, вернее, полосу тумана, которая упрямо не рассеивалась. Поначалу она была серая с металлическим отливом, потом стала голубой. Чем ближе я подходил к Дувру, тем более четкими становились ее контуры: завеса напоминала то громадный броненосец, то целую флотилию, то остров. Наконец, я разглядел, что это действительно земля – череда мысов. То была Франция, неотличимая от Брюстера, если смотреть на него с противоположного берега Кейп-Кодской бухты.

Впереди на тропе, ярдах в четырехстах от себя, я заметил какую-то фигуру: навстречу мне, под гору, шел другой путник. Спустя несколько минут я понял, что это женщина: юбка развеивается, на голове косынка. Еще несколько минут мы двигались навстречу друг другу по этим пологим склонам, под широченным небосводом. Кроме меня и нее, вокруг не было видно ни души. Ни за мной, ни за ней никто не шел. Путница серьезная, со стажем: локти движутся в такт ногам, туфли – на плоской подошве, ни карты, ни собаки. А вокруг, кстати, очень красиво – прямо над головой небесная синева, на юго-востоке – солнце, а на западе – стена ливня, висящая, точно обрывок целлофана. Я смотрел на эту женщину, очень немолодую женщину в теплом платке и тяжелом пальто, с букетиком в руках, – смотрел, как она приближается и думал: «Первым здороваться не стану».

Она на меня и не поглядела. Даже поравнявшись со мной, не заметила. На всем побережье не было видно больше ни одного человека – только в море, похожая на уют, чернела рыбацья лодка. Хетта Памфри – так я ее нарек в своем воображении – решительно шагала вперед, полы ее пальто взлетали и опадали. Она уже удалилась от меня на полшага, в ее лице не дрогнул ни один мускул.

– Утро доброе! – сказал я.

– Ой... – она неуклюже вывернула шею, скосив на меня глаза. – Доброе утро!

И приветливо улыбнулась мне, так как я заговорил первым. Но если бы я промолчал, мы бы разошлись, Хетта и я, на этом лугу у отвесного обрыва – кроме нас, ни живой души в округе – пройдя в пяти футах друг от друга в звенящей тишине, которую здесь считают безопасностью, и не сказав друг другу ни слова.